

самодержцу. Поэтому, бросая обвинение в развязывании войны российскому монарху, О.В. Соколов автоматически инкриминирует вину всей стране, выполнявшей Высочайшие повеления.

Эти концептуальные ошибки автора затмевают многочисленные мелкие недочеты, разноречивой в оформлении научного аппарата, слабое использование новейших работ отечественных историков. Все это заметно снижает ценность интересных ис-

точниковедческих наблюдений и находок, встречающихся в книге О.В. Соколова.

В.М. Безотосный,
кандидат исторических наук
(Государственный
исторический музей)

Примечания

¹ Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I–II. М., 2006.

² Там же. Т. I. С. 78–79, 96, 127, 128, 131, 140.

Геополитические баталии на «плацдарме» 1812 года: о книге В.М. Безотосного*

На ментальной карте современной российской историографии профессиональная корпорация исследователей Отечественной войны 1812 года занимает весьма заметное место. Она имеет стабильную опору в лице таких институциональных центров, как Государственный исторический музей (ГИМ), Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, Музей-панорама «Бородинская битва», Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года и др., с завидной регулярностью проводит общероссийские и международные конференции, приуроченные к памятным датам изучаемого периода, обладает собственным периодическим изданием – ежегодником «Эпоха 1812 года». Вместе с тем, это – достаточно закрытое научное сообщество. Чтобы получить признание его членов и вести с ними диалог на равных, «претенденту» необходимо стать настоящим эрудитом, научившись свободно ориентироваться в почти безбрежном море источников и овладев творческим наследием предшественников, число работ которых давно уже исчисляется тысячами. Дилетантов, пытающихся с наскока «открыть правду» о войне 1812 года, здесь не жалуют. Относительная закрытость

этого научного сообщества обусловлена и тем, что в нем преобладают представители «военно-исторического направления» историографии¹, которые разрабатывают преимущественно военные аспекты событий 1812 года и, в силу специфики изучаемого материала, тематически редко соприкасаются со смежными профессиональными корпорациями.

Редко, но нельзя сказать «никогда». К числу таких нечастых исключений принадлежит новая книга кандидата исторических наук, заведующего отделом ГИМ Виктора Михайловича Безотосного, увидевшая свет в 2012 г. Ее автор – авторитетный практикующий исследователь, чьи работы об эпохе 1812 года² давно уже завоевали высокую репутацию и у специалистов, и у широкой читающей публики. Более того, В.М. Безотосный – один из лидеров этой научной корпорации, организатор и руководитель ее наиболее впечатляющих коллективных проектов последних лет – ежегодника «Эпоха 1812 года», энциклопедий «Отечественная война 1812 года» (М., 2004) и «Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы» (М., 2011).

Впрочем, его новая монография привлекает к себе внимание не только высо-

* В.М. Безотосный. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012. 272 с., ил.

Рецензия написана при поддержке РГНФ и Фонда «Дом наук о человеке» (Франция), проект № 11-21-08003 а/Fra2.

кой научной репутацией автора, но и тем, что рассматриваемый в ней круг проблем не совсем обычен для отечественной историографии войны 1812 года. На сей раз В.М. Безотосный отходит от сугубо военной тематики и обращается к анализу геополитического контекста «русской кампании» Наполеона. Тем самым он, если и не пересекает границу корпоративного ареала, то, во всяком случае, максимально приближается к ней, входя в зону тесного контакта со специалистами по всеобщей истории.

Дополнительный интерес к его работе вызывает и то, что она насквозь полемична. Правда, оппонентами в полемике являются не «чужие» с другой стороны корпоративной «границы», как это можно было бы предположить, а «свои» – коллеги по корпорации, ранее тоже отметившиеся на поле геополитики. Для историка-всеобщника чрезвычайно интересно и познавательно со своего «берега» наблюдать за такой междоусобной схваткой в соседнем «приграничье». Интересно – потому что он имеет возможность со знанием дела оценивать, как антагонисты оперируют близким ему материалом зарубежной истории. Познавательно – потому, что такое наблюдение позволяет не только ознакомиться с творческой лабораторией каждого из участников дебатов, но и дает определенное представление о методах работы их профессиональной корпорации в целом. Своими впечатлениями от этих дебатов я и поделюсь далее.

Хорошо известно, что чем сильнее соперники, тем интереснее следить за их противоборством. Читателям книги В.М. Безотосного предстоит стать зрителями состязания самого высокого уровня, ведь оппонентами автора выступают фигуры в этом научном сообществе не только чрезвычайно авторитетные, но и по-своему харизматичные.

Открывается монография главой о предыстории войны 1812 года. В.М. Безотосный с ходу вступает в дискуссию о соотношении объективных геополитических интересов России начала XIX в. и субъективных мотивов антинаполеоновской политики императора Александра I. Оппонент автора – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского госу-

дарственного университета О.В. Соколов. Соперник более чем достойный! Ограничиться перечислением академических званий Олега Валерьевича Соколова – значит сказать о нем слишком мало или даже почти ничего. Хотя труды петербургского историка читают не только в России, но и во Франции³, он, думаю, еще больше известен любителям истории войны 1812 года как один из основателей отечественного движения военно-исторической реконструкции. За двадцать с лишним лет О.В. Соколов во главе своих сподвижников не раз пересек Европу, побывав почти везде, где некогда шагали солдаты Наполеона, и приняв участие в реконструкции практически всех крупнейших сражений той эпохи. За вклад в популяризацию истории он удостоен высшей государственной награды Франции – ордена Почетного легиона. Тот, кто видел, как Сир (именно так величают Олега Валерьевича коллеги-реконструкторы), облаченный в мундир дивизионного генерала французской армии, едет верхом по Бородинскому полю и на прекрасном французском отдаёт команды, приводя в движение тысячи пехотинцев и кавалеристов – зрелище поистине завораживающее, – думаю, с пониманием отнесется к тому, что его исторические работы отмечены таким же преклонением перед гением Наполеона, какое мы можем встретить разве что в мемуарах бывших солдат Великой армии. У талантливого артиста, мастера перевоплощения, маска порою становится вторым «Я». Однако понять – не значит согласиться, а труды историка – не мемуары современника и оцениваются по другой шкале.

В.М. Безотосный критикует утверждение О.В. Соколова о том, что в основе франко-российского противостояния наполеоновской эпохи лежал исключительно субъективный фактор – «личная неприязнь» Александра I к императору французов. «Ничто не заставляло царя очертя голову броситься в водоворот кровопролитной войны – ни геополитические интересы, ни общественное мнение страны», – считает О.В. Соколов⁴. Возражая против этого тезиса, В.М. Безотосный обращается к рассмотрению геополитического положения России той эпохи и состоянию российского общественного

мнения. Не буду здесь подробно излагать его аргументацию, ибо пересказ – дело неблагодарное, пусть уж лучше читатель сам ознакомится с подробным очерком предыстории Отечественной войны 1812 года, содержащимся в этой главе. На мой взгляд, автору удалось наглядно показать, что франко-российским отношениям тогда был присущ целый комплекс неразрешимых противоречий, которые и стали причиной затяжного конфликта между двумя странами, а отнюдь не злая воля царя.

Вместе с тем, проведенный В.М. Безотосным анализ состояния российского общественного мнения, во многом определявшего антинаполеоновскую политику Александра I, кажется мне несколько более убедительным, чем трактовка автором собственно геополитических аспектов. В самом деле, трудно спорить с тем, что общественное мнение в России того времени фактически было представлено мнением дворянства, а оно в целом крайне враждебно относилось к новой Франции, устройство которой стало прямым следствием Революции. Позиция социальной элиты Российской империи решительно *препятствовала* сколько-нибудь реальному и продолжительному союзу с Францией.

Что же касается геополитических аспектов, то в их оценке В.М. Безотосный, видимо, испытал определенное давление исторического опыта конца XIX в., когда Россия и Франция, следуя старой геополитической мудрости «дружить через соседа», заключили союз, направленный против Германской империи. Похоже, что, по мнению автора, геополитический фактор в наполеоновскую эпоху если и не благоприятствовал созданию франко-российского альянса, то, во всяком случае, не был для него столь же очевидной помехой, как общественное мнение России: «Географический компонент действительно дает основания предполагать, что Франция и Россия при определенных условиях являлись естественными союзниками. Они не имели до 1807 г. общих границ и никаких точек соприкосновения, но между ними располагались, помимо Пруссии, земли многочисленных немецких государств. Это была огромная территория, где как раз прямо сталкивались тогда

французские и российские интересы. В конце XIX в. после образования мощной Германской империи геополитический фактор сработал очень четко. Франция и Россия, несмотря на различия в государственном и политическом устройстве, вступили в союз против Германии. ...В начале XIX в. германской угрозы в Европе еще не существовало. Следовательно, не имело и прямой необходимости в союзе между Францией и Россией против Германии. Британские острова территориально находились в стороне от континента, и у России не было даже малейшей надобности объединяться с кем-либо, а тем более с Францией, против Англии» (с. 25–26).

Выходит, что с точки зрения геополитики, союз между Россией и Францией, по мнению автора, невозможным для того времени отнюдь не выглядел, просто *необходимость* в нем *отсутствовала*. Действительно, упомянутые выше франко-российские противоречия в немецких землях, носившие преимущественно династический характер, не затрагивали жизненно важных интересов России и не являлись непреодолимым препятствием для сближения двух стран, которое, по убеждению О.В. Соколова (а до него – А.З. Манфреда), не состоялось лишь по субъективным причинам. Таким образом ограничиваясь констатацией «отсутствия необходимости», автор книги имплицитно признает правоту О.В. Соколова в общей оценке геополитического фактора как потенциально благоприятного для сближения России и Франции, оставляет эту часть поля боя своему оппоненту и сосредотачивается на доказательстве идеологической и социальной несовместимости двух империй, которая вкупе с агрессивной политикой Наполеона перевешивала возможные геополитические бонусы: «В период с 1801 по 1805 гг. геополитический фактор не мог сыграть на руку франко-русскому сближению. Этому, в первую очередь, препятствовали идеологические и социальные моменты, в немалой степени барьером стала и агрессивная и вызывающая политика новоиспеченного французского императора» (с. 27).

Между тем позиция В.М. Безотосного, по моему убеждению, могла бы и на геополитическом «фланге» оказаться

столь же неуязвимой, как и в отношении общественного мнения, если бы он чуть больше внимания уделил экономическим факторам внешней политики России. Нет, нельзя сказать, что он их совсем обошел молчанием: в книге отмечается, что «товарооборот [России] во внешней торговле в основном почти полностью ориентировался на Англию» (с. 20) и что участие России в Континентальной блокаде «ударило по экономическим интересам дворянства и государства» (с. 38, 42), однако это всего лишь беглые упоминания, а в целом вопросы экономики – на периферии внимания автора.

Справедливости ради замечу, что столь же малый интерес к внешнеэкономическому контексту войны 1812 года характерен и для корпорации ее российских историков в целом. До сих пор лучшими трудами на эту тему в нашей стране остаются вышедший уже почти век назад фундаментальный труд Е.В. Тарле «Континентальная блокада» и блестящая работа М.Ф. Злотникова, написанная еще в 1930-е гг. и лишь частично опубликованная в 1966 г.⁵ Однако даже те данные, что были введены в научный оборот этими исследователями, убедительно доказывают, что сколько-нибудь прочный русско-французский союз в начале XIX в. был столь же невозможен по геополитическим причинам, как и в силу оппозиции элит.

Экономика России имела ярко выраженную сырьевую направленность. Основу российского экспорта составляли, в частности, корабельный лес, парусина, пенька. Главным торговым партнером Российской империи была Великобритания. В силу своего геополитического положения «владычица морей» жизненно нуждалась в содержании самого большого флота в мире и потому представляла собой наиболее емкий рынок материалов, использовавшихся при строительстве кораблей и поставлявшихся Россией. Британия имела и наибольшие возможности для транспортировки таких товаров, поскольку из-за тяжести и объема их было рентабельно перевозить только по воде.

Показательно, что в 1802 г. (год Амьенского мира и соответственно наибольшей свободы мореплавания для всех стран за период с 1792 по 1815 г.) из 986 торговых

судов, пришедших в главные российские порты Петербург и Кронштадт, 477 несли британский флаг. Для сравнения замечу, что французских судов прибыло лишь 5⁶. Неудивительно, что вынужденное присоединение России в 1807 г. к Континентальной блокаде вызвало огромное (на 43%) сокращение внешней торговли империи и привело к самым тяжелым последствиям для ее экономики⁷. Новый же союзник – Франция – не мог заменить Британию на российском рынке: у французов не было ни возможностей для вывоза российских товаров по воде, поскольку на море господствовал английский флот, ни такой же, как у Британии, потребности в этих товарах – при Наполеоне французский флот прозябал. Как показали события 1807–1811 гг., союз с Францией – а в тот момент он мог носить только антибританскую направленность – был губителен для российской экономики и соответственно *невозможен* на более или менее продолжительную перспективу именно из-за геополитических причин.

Во второй главе книги обсуждается проблема сочетания «прогрессивного» и «реакционного» в политике антинаполеоновских коалиций. И на сей раз автор вступает в полемику с крайне серьезным оппонентом – доктором исторических наук, профессором Саратовского государственного университета Николаем Алексеевичем Троицким. Этот маститый историк хорошо известен в профессиональной среде не только своими многочисленными трудами⁸, но и жесткой, «на грани фола», манерой ведения научной дискуссии. Подчеркнутый радикализм в постановке проблем и безапелляционность суждений не раз навлекали на него критику коллег⁹, но опытный боец, похоже, в огне дискуссии лишь черпает новое вдохновение.

Вопросу о характере антинаполеоновских коалиций Н.А. Троицкий посвятил отдельную статью, где заключил, что «войны феодальных коалиций 1813–1815, как и 1805–1807 гг. против Наполеона были гораздо более реакционными, чем освободительными»¹⁰. Мотивировал он свой вывод тем, что участники коалиций преследовали две основные цели: «1) территориальное расширение, захват и грабеж новых земель – как минимум

и господство в Европе – как максимум; 2) сохранение уцелевших на континенте феодальных режимов и восстановление свергнутых Французской революцией и Наполеоном»¹¹. И, напротив, наполеоновскую экспансию саратовский историк считает явлением в принципе «прогрессивным»: «Наполеон стремился к европейской интеграции, которую он сам деспотически контролировал бы, но, как бы то ни было, толкал он Европу вперед, к современным ценностям, унаследованным от Французской революции, а не назад, в дореволюционное средневековье»¹².

Профессору Н.А. Троицкому нельзя не отдать должное: свои тезисы он всегда формулирует предельно четко, без оговорок и экивоков, порою даже несколько утрированно, как бы демонстративно провоцируя своих оппонентов на дискуссию. И наш автор этот вызов принимает. Отвечая на тезис о поставленных себе противниками Первой империи целях захвата и грабежа новых территорий, он вполне резонно переадресует это обвинение к самому Наполеону: «Коль ограничили рамки Европы, ...то тогда надо признать, что на этом континенте в то время не было более беззащитного и удачливого “захватчика” и “грабителя” в международном плане, чем французский император» (с. 103). К началу похода Наполеона на Россию практически весь континент находился под его властью и – автор книги приводит тому ряд конкретных доказательств – откровенно эксплуатировался Францией.

Приоритет в изобретении подобной системы эксплуатации земель, «освобожденных» французами от «тиранов», принадлежал все же отнюдь не императору, а еще более «прогрессивным» с точки зрения марксизма (свою приверженность коему Н.А. Троицкий настойчиво подчеркивает) революционным деятелям Конвента. Прочитую ведущего французского наполеоноведа Т. Ленца: «И здесь император во многом лишь продолжал дело своих предшественников. Экономическая эксплуатация завоеванных стран, братских республик и союзников присуща и революционным войнам. Вспомним, например, заявления Дантона о Бельгии – о ее богатствах и необходимости их захва-

тить»¹³. Добавлю, что вопрос о той, часто непомерной, цене «прогресса», которую пришлось платить народам стран, ставших объектом экспансии революционной Франции, подробно освещается в работах и других зарубежных историков¹⁴.

В ответ на «обвинение» Н.А. Троицким антинаполеоновской коалиции в «сохранении и восстановлении феодальных режимов» В.М. Безотосный цитирует секретную инструкцию Александра I, где русский монарх признает необходимым «не только не восстанавливать в странах, подлежащих освобождению от ига Бонапарта, прежний порядок вещей со всеми его злоупотреблениями», но, напротив «обеспечить им свободу на ее истинных основах» (с. 101). Автор книги приводит также и другие, не менее убедительные аргументы, которые я за неимением места и чтобы не лишать читателя удовольствия познакомиться с ними самому, пересказывать не буду, как, впрочем, и содержание двух оставшихся глав – о «восточном проекте» Наполеона и о цене победы России в Отечественной войне.

Выскажу еще лишь некоторые соображения общего порядка, возникшие у меня при наблюдении за полемическими баталиями историков войны 1812 года на геополитическом «плацдарме» близ «границы» с территорией всеобщей истории. Речь пойдет о понятийном аппарате, используемом ими для характеристики европейских реалий изучаемой эпохи.

Трудно вспомнить какой-либо другой исторический термин, об эвристической ценности которого шло бы столько споров в мировой и отечественной историографии трех последних десятилетий, как понятие «феодализм» и производные от него термины. Отечественные историки Французской революции XVIII в. отказались от использования этого понятия еще на исходе советской (!) эпохи, поскольку оно, чрезмерно расплывчатое и отягощенное идеологическими коннотациями, не позволяло адекватно описывать социально-экономические реалии Старого порядка. В 1988 г. на заседании ныне ставшего уже историческим «круглого стола», в котором участвовали практически все отечественные историки Французской революции и который теперь почитается точкой

отсчета для возникновения ее новой, российской историографии, была констатирована нежизнеспособность «упрощенного, “линейного” понимания исторического места Французской революции в процессе межформационного перехода: в 1789 г. – господство феодализма и феодального дворянства, в 1799 г. – господство капитализма и капиталистической буржуазии»¹⁵. Многочисленные конкретные исследования, проводившиеся в предшествовавшие годы как зарубежными, так и отечественными учеными (несмотря на существовавший в СССР идеологический диктат), позволили на этом «круглом столе» сделать четкий и вполне определенный вывод: «На современном уровне знаний у нас нет оснований характеризовать систему общественных отношений предреволюционной Франции в целом как феодальный строй»¹⁶. И если в дальнейшем утверждения о существовании «феодализма» накануне Французской революции еще порою встречались в околонуточных публикациях, то для практикующих исследователей данный вопрос представляется уже давно решенным. Даже в новейших изданиях учебной литературы, по определению более консервативной, чем собственно научная, сегодня констатируется, что к началу Французской революции «феодальные отношения давно канули в Лету»¹⁷.

Ныне дискуссии о применимости понятия «феодализм» переместились в сферу медиевистики. Теперь уже специалисты по истории Средних веков высказывают аргументированные сомнения в правомерности использования его в качестве обобщающего понятия для обозначения системы общественных отношений даже в средневековой Европе¹⁸. Прочитав один из новейших текстов П.Ю. Уварова, бесспорного на сегодня лидера профессиональной корпорации российских медиевистов: «Период, в котором оказалась наша историческая наука, не очень благоприятен для обобщений. Как выяснилось, категориальный аппарат обветшал, базовые понятия по многим причинам утратили свою эвристическую ценность, хотя бы потому, что вызывают разночтения. При современных знаниях необычайно трудно подобрать какой-то термин, который характеризовал бы все

общества Средневековья или хотя бы их значительную часть. Термин “феодализм” для этой цели мог бы подойти, если бы у исследователей сложился на сегодняшний день какой-нибудь консенсус по поводу его определения. Всякие строгие дефиниции, будучи приложены к реальному материалу, встречают бурное сопротивление с его стороны»¹⁹.

И уж если специалисты по западному Средневековью задаются сегодня вопросами о том, что такое «феодализм», стоит ли это понятие применять и как, а исследователи западноевропейской истории XVIII в. в большинстве своем и вовсе от этого термина отказались за его бесполезностью, то я, признаюсь, был немало изумлен, обнаружив, что в описанной выше полемике вокруг войны 1812 года ее участники дружно определяют социально-экономические порядки в странах Западной Европы XIX (!) века как «феодальные». Причем, это относится не только к верному стороннику марксистско-ленинской теории социально-экономических формаций, каковым себя признает профессор Н.А. Троицкий, но и к его оппоненту – автору рецензируемой мною монографии. Например: «Конечно, никто не будет спорить с доминирующим в литературе выводом, что основной целью всех антинаполеоновских коалиций, открыто исповедовавших принцип легитимизма, являлась защита феодальных порядков на континенте» (с. 102).

Первый раз натолкнувшись в книге на этот термин, употребленный в подобном контексте без какого-либо объяснения, а просто как должное, я на мгновение почувствовал себя военным корреспондентом, который, оказавшись в «горячей точке» XXI в., увидел, что участники конфликта палят друг по другу из орудий системы Грибовалая. Однако затем мне подумалось, что ключом к объяснению столь необычной ситуации является упомянутое в приведенной выше цитате словосочетание «доминирующий в литературе». И действительно, помещенный в конце книги список литературы многое объясняет. При впечатляющем обилии упомянутых в нем изданий самой новой из зарубежных работ является биография маршала Даву, написанная в 1975 (!) году Ф.Г. Уртулем,

известным французским врачом и одновременно историком-любителем. Стало быть, все те бурные дискуссии об истории Французской революции и тесно связанной с ней эпохи Наполеона, которые шли в мировой историографии на протяжении последних десятилетий и привели к радикальной переоценке многих аспектов этого периода, остались, к сожалению, вне поля зрения автора. Так же, судя по списку литературы, как и многочисленные и радикальные изменения, происшедшие в отечественной историографии по другую сторону корпоративной «границы».

Рискну предположить, что отчасти подобная ситуация «затерянного мира» обусловлена отмеченными в самом начале моей рецензии особенностями данной профессиональной корпорации. Только на сей раз перед нами оборотная сторона перечисленных ранее преимуществ. Самостоятельность (если не сказать самодостаточность) и определенная закрытость сообщества позволяют ее членам вполне эффективно (с точки зрения корпоративных критериев) разрабатывать конкретные сюжеты своей проблематики и вести плодотворное научное общение внутри корпорации, не принимая во внимание те методологические перемены, что происходят за ее пределами. Если же возникает необходимость подняться на более высокий уровень обобщения, в ход идет тот же самый понятийный аппарат, которым когда-то пользовались учителя нынешних мэтров. В конце концов, оппоненты, как правило, тоже ведь из этого сообщества и применяют аналогичное методологическое «оружие». И только когда кто-либо из членов корпорации отваживается на вылазку в «приграничье», становится очевидно, что по сравнению с боевым оснащением жителей «другого берега», это «оружие» давно устарело.

Однако чем больше будет происходить таких выходов к «границе», какой совершил автор рецензируемой книги, тем быстрее произойдет выравнивание методологических потенциалов по обе ее стороны.

А.В. Чудинов,
доктор исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)

Примечания

¹ Подробнее см.: *Безотосный В.М.* О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IV. Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005.

² См.: *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005; *Безотосный В.М., Иткина Е.И.* Казаки в Париже в 1812 году. М., 2007; *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010; и др.

³ *Sokolov O.* L'armee de Napoléon. Saint-Germain-en-Laye, 2003; *Idem.* Austerlitz: Napoléon. l'Europe et La Russie. Saint-Germain-en-Laye, 2006.

⁴ *Соколов О.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. 1. М., 2006. С. 141.

⁵ *Тарле Е.В.* Континентальная блокада. М., 1913; *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия. М., 1966. В свет вышел лишь первый том этой книги, рукопись второго хранится в архиве.

⁶ *Тарле Е.В.* Континентальная блокада // *он же.* Сочинения в двенадцати томах. Т. 3. М., 1958. С. 342.

⁷ *Злотников М.Ф.* Указ. соч. С. 290.

⁸ Назову лишь некоторые, непосредственно относящиеся к теме 1812 г.: *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988 (Изд. 2, 2007); *он же.* Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов, 1991; *он же.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002; *он же.* Александр I против Наполеона. М., 2007.

⁹ Последний по времени пример такой критики см.: *Ивченко Я.Л.* М.И. Кутузов в отечественной историографии. Проблемы изучения биографии полководца // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 184–190.

¹⁰ *Троицкий Н.А.* Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: Смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук. Военная история (Саратов). 2004. № 12. С. 83.

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Там же. С. 83.

¹³ *Lentz T.* La France et l'Europe de Napoléon. 1804–1814. P., 2007. P. 770.

¹⁴ См., например: *Blanning T.C.W.* The French Revolutionary Wars, 1787–1802. L.; N.Y., 1996; *Forrest A.* Napoleon's men: the soldiers of the Revolution and Empire. L., 2002; *Форрест А.* Французские солдаты и распространение революции в Европе // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998.

¹⁵ *Адо А.В.* О месте Французской революции конца XVIII в. в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуаль-

ные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 9.

¹⁶ Пименова Л.А. О некоторых спорных вопросах // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 95.

¹⁷ Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. М., 2005. С. 177.

¹⁸ См., например: Гуревич А.Я. «Феодалное Средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. Человек

в истории. 2002. М., 2002; Дубровский И.В. Как я понимаю феодализм? // Конструирование социального. Европа V–XVI вв. М., 2001; Феодализм перед судом историков // Одиссей. Человек в истории. 2006. М., 2006; Феодализм: понятие и реалии. Материалы «круглого стола». М., 2008.

¹⁹ Уваров П.Ю. «Роскошь феодализма» // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 810.

Война как авантюрное путешествие*

Составители и авторы тематического выпуска «Французского ежегодника» предлагают посмотреть на событие, подчеркнуто нейтрально представленное на обложке издания простым сочетанием цифр «1812», не только с точки зрения традиционных сюжетов истории этой войны и межгосударственных отношений эпохи¹; но и *сквозь* взаимные представления воевавших наций. В связи с тем, что вплоть до 1914–1918 гг. «ни одно другое поколение не путешествовало так далеко, как поколение 1790–1800 гг., участвовавшее в войнах в Европе и за ее пределами», характерным персонажем коллективного исторического повествования, кочующим из статьи в статью, стал «солдат-путешественник» (А. Форрест)². В отличие от элитарных Гранд Туров, «под знаменами наполеоновской армии десятки тысяч представителей “низов” впервые смогли побывать в таких удаленных от их постоянного проживания местах, как Египет и Россия» (Н.В. Промыслов)³. Если «наполеоновские походы превращали их участников в своего рода путешественников» (М.В. Губина)⁴, то вариацией этого необычайно распространившегося тогда амплуа были «странники поневоле» (М.-П. Рей)⁵ – пленные французы в России, чьи маршруты существенно отклонились от движения основной массы солдат Великой армии.

В отечественной историографии, интересовавшейся Заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. в плане

формирования мировоззрения декабристов, долго превалировал слишком прямолинейный взгляд на образовательное значение непосредственного знакомства с другими странами, восходящий к просветительской концепции путешествия. Конечно, как пишет А. Форрест, «путешествие может воспитать и научить ценить чужую цивилизацию». «Но мало кто отправляется в путь, – размышляет он далее, – без предположений и предрассудков в отношении чужой культуры. И очень часто путешествия военных лишь подтверждают предположения, порожденные обрывочными сведениями, юношеским чтением или навеянные эпинальской (популярной. – С.С.) картинкой, увиденной однажды у бродячего торговца, проходившего через деревню»⁶.

Приводимые в книге цитаты из записок французских солдат о Русской кампании подтверждают этот принципиальный вывод. Повествуя об отступлении Великой армии из России, сержант Бургонь рассказывал, что его ночным скитаниям в окрестностях *Березины* счастливо сопутствовало *северное сияние* (!), а под Смоленском его боевые товарищи поймали и тут же съели *белого* медведя – «*un ours blanc*», как даже шел необходимым подтвердить цитатой из оригинала эти яркие сообщения очевидца пересказавший их современный исследователь⁷. Но то, что может вызвать недоумение и даже сомнение в достоверности передачи написанного мемуаристом у российского читателя,

* Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. 478 с.